

Посвящается Саре, Женевьеве и Питеру

Список карт и таблиц

КАРТЫ

1. Эльзас и прилегающие территории
2. Границы епископств в регионе Вогезы
3. Округа и монастыри в Вогезах и соседних регионах
4. Центры владений в Сааргау и Сольнуа
5. Монастыри, королевские центры и дороги в верхнерейнском регионе
6. Раздел королевства Лотаря II в Мерсене, 870 год
7. Центры владений в северном и центральном Эльзасе
8. Эльзас в X веке

ТАБЛИЦЫ

1. Гундоины и Вульфоальды-Гундоины
2. Ранние Этихониды и связанные с ними монастыри
3. Хродоины
4. Преемственность владений Хродоинов и Вульфоальдов-Гундоинов
5. Пожертвования и прекарии Хродоинов в Вальдхамбахе и Берге
6. Поздние Этихониды I: семья Гуго Турского, Лиутфриды и связанные с ними монастыри
7. Поздние Этихониды II: Эберхарды / владыки Дагсбурга и Эгисхайма и связанные с ними монастыри

Предисловие и благодарности

В этой книге рассматривается функционирование политической власти в раннесредневековой Европе на примере Эльзаса. Автор исследует сети монастырей и родственных групп, составлявших основу местного политического порядка, а также связи между местной властью и политическим центром в период примерно между 600 и 1000 годами. Это исследование опирается на разнообразные источники, главным образом из Эльзаса, а именно: грамоты, нотариальные формуляры, королевские указы, жития и произведения древневерхненемецкой литературы, а также на сравнительные данные из других регионов. Все они показывают, как этот характерный местный порядок сформировался в VII веке и прекратил свое существование в конце X века с проведением радикальной монастырской реформы. Эти основные локальные сети служат фоном для понимания процесса консолидации власти Каролингов в VIII–IX веках, процессов политической раздробленности во второй половине IX века и трансформации аристократической власти в оттоновский период.

Академические исследования никогда не бывают результатом лишь собственных усилий, и эта книга не является исключением. Как, возможно, и подобает исследованию, затрагивающему вопросы родства, родственных союзов и институтов, она опирается на любезную поддержку широкой сети семьи, друзей и финансирующих организаций. Я глубоко признателен моей жене Саре и двум моим детям: Женевьеве и Питеру. Нечего и говорить, что я просил многого, а они охотно давали, хотя, что

важно, настаивали на том, чтобы личные взаимоотношения, придающие смысл учебе, работе и карьере, продолжали развиваться и расти. Я благодарю членов семьи, в которой я вырос, внесших свой вклад в то, кем я являюсь: моих родителей Ллойда и Мардин Хуммер, мою покойную мать Дороти Хуммер, а также четырех моих сестер и двух братьев и их семьи. Я также благодарен за поддержку и понимание родителям моей жены, Биллу и Джоанн Дрюс, и ее пяти сестрам и их семьям. Кроме того, есть еще семья Пэта и Мэри Гири, которые стали для нас почти что родственниками.

Исследованию, представленному в этой книге, в первую очередь способствовали комментарии, критические замечания и научный пример моего дипломного руководителя, Патрика Гири. Без его постоянной поддержки, ободрения и веры этот проект не был бы доведен до конца. Кэрл Лансинг и покойный Роберт Л. Бенсон внесли важный вклад в мое интеллектуальное развитие, так же как и Кристофер Стивенс, который был моим проводником-экспертом в вопросах древнегерманского языка. Я благодарен Джону МакКаллоху, моему наставнику в учебе, который с самого начала привил мне высокие академические стандарты. Я выражаю благодарность тем, кто прочитал полную версию этого исследования и предложил плодотворную критику: Томасу Хеду, Петру Горецки, Джону МакКаллоху, Паоло Скватрити и анонимному рецензенту из издательства Cambridge University Press, а также тем, кто читал и критиковал отдельные части исследования: Кэтрин Богосян, Уоррену Брауну, Дэвиду Футу, Джейсону Гленну и Эрику Голдбергу. Особую признательность я выражаю Барбаре Розенвайн и Розамунд Маккиттерик, которые дважды прочитали рукопись и высказали обстоятельные критические замечания и предложения. Благодаря их вмешательству это исследование стало лучше и богаче, чем оно могло бы быть в противном случае. Я также хотел бы выразить признательность тем ученым, которых уже нет с нами, — некоторых из них не стало задолго до моего рождения — чей труд был вдохновляющим и стал таким знакомым, что мне кажется,

будто они сами были моими старыми знакомыми: Альберту Брукнеру, Генриху Бюттнеру, Ойгену Эвигу, Карлу Глётнеру, Бруно Крушу, Кристиану Пфистеру, Карлу Шмиду и Герду Телленбаху. Излишне говорить, что все недочеты целиком и полностью принадлежат мне, и — заимствуя слова Геродота — «Да простят мне боги и герои!» за любые ошибки, которые могут встретиться на этих страницах. Наконец, я хочу поблагодарить сотрудников исторического факультета Университета Уэйна, в частности, моего неизменно отзывчивого заведующего Марка Крумана. Они были и остаются всем, чего можно желать от коллег по работе.

Зарубежная научная работа для данного исследования проходила при грантовой поддержке Германской службы академических обменов (DAAD). Я хочу выразить глубочайшую признательность моим немецким научным руководителям (Doktorväter) Дитеру Гойениху и Томасу Цотцу, которые организовали для меня Arbeitsplatz (нем. 'рабочее место') в Институте региональной истории Фрайбургского университета. Оба они дали ценные советы в самом начале работы над проектом и тепло приняли и меня, и мою жену с дочерью, когда они приехали в Германию во время незабываемого года, посвященного исследованиям. Этой работе также способствовали семинар профессора Цотца и общение с сотрудниками института, особенно с Карлом Вебером. Отдельная исследовательская поездка в Эльзас стала возможной благодаря выдающейся поддержке Фонда междисциплинарных исследований в области права Ричарда Дж. Барбера (Центр правовых исследований, Университет Уэйна). Кроме того, на разных этапах этот проект поддерживался стипендией, предоставленной для написания диссертации Калифорнийским университетом в Лос-Анджелесе, двумя особенно гуманными преподавательскими стипендиями в Калифорнийском университете и в Калифорнийском технологическом институте, а также щедрыми грантами от Колледжа свободных искусств Университета Уэйна.

Наконец, я хотел бы поблагодарить Саймона Уитмора и производственный отдел издательства Кембриджского университе-

та (Cambridge University Press) за проявленное ими впечатляющее усердие, компетентность и профессионализм. В частности, я хотел бы выразить свою признательность Элисон Пауэлл, которая обеспечила быстрый и упорядоченный график работы, и Крису Джексону, который оживил обычно утомительный процесс издательской подготовки рукописи своим ловким остроумием.

Список сокращений

a.	anno
a. (в картах и таблицах)	ante
AB	<i>Annales Bertiniani</i>
AF	<i>Annales Fuldenses</i>
ARF	<i>Annales Regni Francorum</i>
D	<i>Diplomata</i>
KIII	<i>Karoli III</i>
Karol.	<i>Karolinorum</i>
LG	<i>Ludowici Germanici</i>
LoI, LoII	<i>Lotharii I, Lotharii II</i>
Merov.	<i>Regum Francorum e Stirpe Merowingica</i>
MGH	<i>Monumenta Germaniae Historica</i>
OI, OII, OIII	<i>Ottonis I, Ottonis II, Ottonis III</i>
SS	<i>Scriptores</i>
SRG	<i>Scriptores Rerum Germanicarum</i>
SRM	<i>Scriptores Rerum Merovingicarum</i>
Trad. Freising	<i>Die Traditionen des Hochstifts Freising</i>
Trad. Wiz.	<i>Traditiones Wizenburgenses</i>

Введение

В 1049 году великий папа-реформатор Лев IX (1049–1054) отправился в амбициозный поход к северу от Альп, чтобы искоренить симонию¹ и коррупцию среди духовенства. В разгар напряженного графика соборов этот бывший епископ Туля нанес визит на свою родину, в «милый Эльзас», как написал о нем биограф папы. Там знаменитый сын Эльзаса раздал благословения, реликвии и папские привилегии ряду реформированных монастырей по всему региону, включая Альтдорф, Есс и Воффенхайм, которые, как с гордостью вспоминал Лев IX, были основаны его родственниками, так называемыми лордами Дагсбурга и Эгисхайма [Hummer 2003b: 69–84, особенно 69–70, 80–1]. Преподнося дары двум другим аббатствам, в Люре и Гогенбурге, папа странным образом не вспомнил о своих еще более глубоких родовых связях. Ведь, если Лев IX происходил из рода Дагсбургов и Эгисхаймов, он и его ближайшие предки также были прямыми потомками более древней родовой группы — Этихонидов, которые появились в VII веке, породили прославленную линию герцогов в VIII веке и стали покровителями Лутранского (совр. Люр), Гогенбургского и по меньшей мере девяти других эльзасских монастырей, однако на рубеже тысячелетий трансформировались в новый род — властителей Дагсбурга и Эгисхайма.

Взгляд Льва на недавнее наследие Этихонидов затмило серьезное переосмысление статуса его предков, произошедшее

¹ Симония — это практика продажи церковных должностей, священных ритуалов и таинств, таких как причастие, исповедь и отпевание, а также священных предметов. В более широком смысле симония — это торговля благодатью Святого Духа. — *Прим. ред.*

в конце X века, — переосмысление, которое ознаменовало трансформацию особого политического устройства в раннесредневековом Эльзасе, уходящего корнями в VII век. Основывая монастыри, единственной обязанностью которых было воспроизведение постоянного божественного порядка на земле, и оказывая им покровительство, такие родовые группы, как Этихониды, способствовали росту институтов, имущественные наделы которых составляли материальную основу стабильных и прочных сетей феодального господства. Действительно, именно родовые группы, которые заняли выдающееся положение в раннесредневековый период, вне зависимости от того, осуществлялось ли их господство на локальном, региональном или надрегиональном уровнях, успешно культивировали таким образом местную основу власти. С наступлением радикальной монастырской реформы в X веке идентичность Этихонидов, тесно связанная с их покровительством монастырям, была сокрушена.

Деятельность папы свидетельствует о том, что распространение феодальной власти в раннесредневековом Эльзасе также было неотъемлемой частью более широкой истории власти в раннесредневековой Европе. Эльзасские монахи и сеньоры никогда не действовали в вакууме: их права и привилегии были неразрывно связаны с легитимирующей властью пап, королей и императоров. Эти представители политического центра, в свою очередь, происходили из семей, чья власть и влияние основывались на преобладающих в Эльзасе ассоциативных типах связей, поэтому усиление политических полномочий было обусловлено возможностями, заложенными в монастырском господстве. Таким образом, если образование династии Дагсбурггов и Эгисхаймов было связано с появлением реформированных монастырей, а судьба Этихонидов — с архипелагом более ранних учреждений в Эльзасе, авторитет этих церковных институтов также зависел от даров, получаемых ими от пап и королей, которые в 1049 году, как оказывается, являлись родственниками друг другу и происходили из семей, активно покровительствовавших местным монастырям.

Излишне говорить, что проблема власти давно привлекает внимание историков, занимающихся ранним Средневековьем.

Некоторые из них посвятили свои исследования освещению формальных политических, военных, судебных, юридических и церковных структур, с помощью которых пытались править франкские должностные лица, особенно представители Каролингской империи, наиболее амбициозной и успешной политической единицы раннего Средневековья [Brunner 1887–1892; Halphen 1977; Ganshof 1968; Ganshof 1964; Riché 1993; Bachrach 2001]. Другие исследователи считают эту точку зрения неполной и даже неудовлетворительной. Представление о системе управления, исходящей из политического центра, предостерегают они, может создать впечатление, что раннесредневековые короли просто делегировали полномочия своим вассалам и вершили власть через отдельные государственные институты. Внимание к реальной практике, а не к предписывающим наставлениям, как кажется, показывает, что в королевствах раннего Средневековья отсутствовал отличительный признак государства — рутинного управления, координируемого правителем и его представителями. Таким образом, противоположная традиция уже давно привлекает внимание к ограничениям раннесредневековой «государственной власти» [Fichtenau 1978; Уоллес-Хедрилл 2002; Reuter 1985: 75–94].

Скептическое отношение к максималистским взглядам на государственное устройство в совокупности с притягательностью социальной истории породили альтернативное видение прошлого с упором на менее формальные каналы власти. За последние несколько десятилетий некоторые историки сместили свой фокус внимания с деятельности королей на примат локального контекста, с формальной институциональной и политической истории — на обычаи, родственные отношения, обмены дарами и правосудие, основанное на компромиссе. Большое влияние оказала работа так называемой Бакнеллской группы в Великобритании² и группы американских социальных историков, которую французские медиевисты с некоторым преувеличением

² [Davies, Fouracre 1986]; особенно [Wood 1986; Fouracre 1986; Nelson 1986; Davies 1986; Wickham 1986; Wormald 1986].

окрестили «новой американской школой средневековой истории» [Geary 1986; Geary 1978; Koziol 1992; Miller 1990; Rosenwein 1989; White 1988]. Согласно этой точке зрения, власть наиболее регулярно осуществлялась на местном уровне, и именно на этом, по мнению социальных историков, мы должны сфокусировать свое внимание, если хотим постичь суть стабильности, лежащей в основе средневекового общества.

Хотя эта плодотворная работа смогла показать жизнеспособность средневекового устройства, не зависящего от официальной политики, она, в свою очередь, поставила перед учеными дополнительные вопросы. Благодаря плотному исследованию местного социального контекста историки столкнулись с локальными институтами, местными представителями власти, их связями друг с другом и значимостью королевской власти для поддержания политического порядка. Соответственно, формальные элементы, которые социальные историки были склонны отвергать как второстепенные, вновь заявили о себе как о неотъемлемом элементе для определения власти. Организация управления в раннесредневековой Европе, возможно, была менее абстрактной, чем в бюрократически упорядоченных обществах, но ее политический ландшафт включал в себя формальные институты (особенно церковные), государственные должности и своды законов, а ее королевства придерживались генеральной линии в лице короля и его двора. Власть, осуществляемая королями, временами могла казаться слабой и неравномерной, но она была действующей, вызвала как страх, так и уважение, и достаточно часто, когда нужно было обеспечить определенную степень подчинения, осуществлялась с шокирующей беспощадностью.

Сейчас уже не так очевидно, что социальный анализ не предписывающих источников, а так называемых практических документов, может реконструировать суровую, в отличие от декларируемой, действительность средневекового общества. В наш постмодернистский век такие источники не только оказались такими же риторически заряженными, как и традиционно рассматриваемые тексты предписывающего характера [Spiegel 1990; Freedman, Spiegel 1998], хотя и в другом ключе, но когда мы изуча-

ем обстоятельства их создания, мы часто обнаруживаем, что они оказываются обломками, оставшимися после борьбы за власть на самых высоких уровнях раннесредневекового общества. Это не означает, что практические документы не могут быть использованы для изучения традиционной социальной истории, но следует сказать, что обстоятельства, способствовавшие появлению документов, часто дают подсказки для получения представления о контактах между высокой политикой и местными делами.

Исследования, произведенные в Германии, ясно показали, что королевская власть не может быть просто маргинализирована как непроясненный артефакт. Издавна заинтересованные вопросами политического устройства, немецкие медиевисты все более тщательно исследовали взаимосвязь между длительным господством аристократии и постоянно меняющимся проявлением королевской власти. В ходе усилий по выяснению состава аристократии, они развивали методологию просопографии³ и исторической критики источников, которые позволили проследить связи, идущие от высших уровней власти к низшим [Tellenbach 1957; Schmid 1974a; Schmid 1974b; Keller 1994: особенно 389–392; Oexle 1994; Reuter 1978; Freed 1986; Airlie 1998]. Эта сложная работа определила ключевое место королевской власти в поддержании власти аристократов на всех уровнях.

В последнее десятилетие некоторые исследователи вновь обратились к вопросу о политическом устройстве франкского мира, и тем самым работы об аристократии обогатились насыщенными материалами из исследований социальных историков о родстве, владении собственностью и разрешении споров [Brown 2001; Innes 2000a]⁴. Собственно говоря, эти историки утверждают, что суть дела заключается в деталях: поскольку абстрактно по-

³ Просопография — метод исследования в исторической науке, который изучает биографии исторических личностей, живших в определенном месте и времени и обладавших схожими политическими, социальными или этническими чертами. — *Прим. ред.*

⁴ См. также [Davies, Fouracre 1995: 1–16, 245–271] и отдельные статьи в этом издании: [Ganz 1995; Wood 1995; Fouracre 1995; Nelson 1995; Wormald 1995; Reuter 1995].

нимаемого правительства не существовало, представление о функционировании политического процесса в раннем Средневековье должно быть получено на основе тщательного анализа локальной специфики. Эти исследования показывают, что изучение конкретной местности никогда не может быть определено просто как рассмотрение отдельного региона, оторванного от более широкой политической жизни, но обязательно включает в себя анализ власти в связи с остальным миром. Этот подход в целом показал, что поток королевской власти поддерживался и регулировался локальными сетями власти. Я буду прагматично опираться на мудрость статистического и процессуального подхода, чтобы очертить контуры политического порядка в раннесредневековой Европе, сосредоточившись при этом на Эльзасе. Хотя эпоха Каролингов занимает центральное место на последующих страницах, исследование не ограничивается этим периодом⁵. В науке принято считать, что границами эпохи раннего Средневековья являются VII и XI века: VII век при этом предшествует собственно Каролингскому периоду, в то время как XI век относится к более позднему времени. Благодаря колоссальному исследованию поздней Античности стало предельно ясно, прямо или косвенно, что А. Пиренн был прав, хотя и на неверных основаниях: конец Античности ознаменовался скорее седьмым веком, нежели пятым [Пиренн 2011; Ewig 1976–1979; Geary 1988; Goffart 1972; Kaiser 1993; McCormick 2001; Riché 1976; Wickham 1984; Wood 1994]. Поэтому я начну не с римского политического устройства, которое прекратило свое существование, а с подробного рассказа о позднем меровингском периоде, когда сформировался в корне отличающийся порядок, основанный на сетях монастырей и родовых групп.

Этот раннесредневековый порядок сохранялся до XI века, когда он претерпел глубокие изменения. Литература по этому вопросу обширна и вызывает острые дискуссии, но пока достаточно сказать, что, хотя историки расходятся во мнениях отно-

⁵ О проблеме Каролингского периода как отдельной эпохи см. пессимистический взгляд в [Sullivan 1989] и более оптимистическую оценку в [Nelson 2002].

сительно масштабов изменений, целый ряд исследований, написанных с различных точек зрения, установили, что между Каролингскими временами, возникновением монархий высокого Средневековья и появлением самостоятельной церкви к XII веку Европа переживала глубокие и продолжительные изменения⁶. Важно подчеркнуть, что, хотя эти изменения, возможно, были связаны с трансформацией Каролингского мира в X веке (по крайней мере, в некоторых областях) [Wickham 2001: 90–94], они плохо сочетаются с рассказом об упадке Каролингской империи в других областях⁷. Во многих регионах, таких как Эльзас, предполагаемые преобразования заметно отсрочили окончание каролингской эпохи.

Если VII и XI столетия выделяют раннее Средневековье в отдельную эпоху, то мы должны суметь обосновать это с помощью подтверждающих доказательств. Иначе говоря, раннесредневековый период не должен быть просто удобным пространством для описания остатков умирающего римского порядка или возникновения монархического правления в XII веке, как это часто бывает у тех, кто работает с предшествующей и последующей эпохой, и даже у некоторых из тех, кто работает внутри этого периода. Правители, прелаты и аристократы раннего Средневековья создали и утвердили слаженный политический порядок, который, вне зависимости от того, осознавали они это или нет — и который мы, обладающие преимуществом ретроспективного взгляда, тем не менее можем увидеть — не был ни просто пережитком позднеклассических форм, ни прологом к бюрократизации в период высокого Средневековья. В раннесредневековом Эльзасе это устройство проистекало из характерного симбиоза семейных, церковных и королевских интересов.

Аспекты раннесредневекового общества, которые мы можем считать социологическими — обычаи, родственные и дружеские

⁶ О Западе см. [Блок 2003; Southern 1953; Fossier 1982; Poly, Bournazel 1991].
О Германии см. [Tellenbach 1991; Tellenbach 1993; Keller 1986; Weinfurter 1999].
О Европе в целом см. [Бартлетт 2007; Moore 2000].

⁷ Об этом см. [MacLean 2003].

связи, обмен подарками, — являются ключевыми для понимания того, как формировался этот политический порядок. Тем не менее важно подчеркнуть, что эти «неформальные» процессы необязательно были более фундаментальными, чем другие факторы, потому что для сетей, которые связывали людей друг с другом, насколько мы можем это видеть, связующим звеном часто были формально учрежденные институты. Любое изучение ассоциативных сетей должно сочетать в себе то, что мы в ретроспективе различаем как формальные и неформальные способы организации. Хотя я буду использовать такие термины, как «локальный» и «центральный», «политический» и «социальный», «семья» и «монастырь», я не использую их для обозначения противоположностей, диалектическое взаимодействие которых можно каким-то образом признать движущей силой исторических изменений. Они носят исключительно аналитический характер и важны для выделения более крупного франкского политического порядка на фоне его составляющих частей и для выявления моделей деятельности в выражениях, которые мы, сторонние наблюдатели, можем распознать. Действительно, они полезны для того, чтобы помочь нам понять, что различия, которые мы непроизвольно проводим между локальной и центральной властью, социальной и политической историей, формальными и неформальными процессами, трудно поддерживать в контексте раннего Средневековья. Под давлением анализа общий и локальный порядок часто оказываются двумя сторонами одной медали, политическая и социальная жизнь часто неразличимы, а отношения между семьями и монастырями, которым они оказывали покровительство, были чрезвычайно изменчивы и в любом случае дополняли друг друга.

Я также не буду подчеркивать различие между светскими и церковными интересами, как это достаточно последовательно делают многие историки раннего Средневековья [De Jong 1998]. Ученые давно указывают на то, что почти все источники, дошедшие до нас от этого периода, были сохранены церковными учреждениями и, таким образом, отражают интересы «церкви». Традиционная стратегия для преодоления этого перекоса заклю-

чалась в извлечении из источников информации о (светском) обществе, которое должно было существовать за пределами монастыря⁸. Хотя попытка заполнить более широкий мир, закодированный в источниках, имеет некоторые основания, по крайней мере для понимания преемственности власти, совсем не является очевидным, что длительную преемственность аристократической власти можно понять без перемещения в центр истории церковных институтов, которые были ответственны за наши источники, не просто как объекты деятельности знати, но как нечто неотъемлемое для структурирования власти. В ранне-средневековый период светская и духовная сферы были скорее взаимодействующими, чем доминирующими структурами, населенными тем же классом аристократов, связанных между собой узами дружбы и родства. Монастыри основывались семьями, которые посылали своих сыновей и дочерей служить в учрежденные ими обители в качестве монахов и монахинь и управлять в качестве настоятелей и настоятельниц, так что родственными узами, образовавшими матрицу этого общества, были охвачены как духовные лица, так и светские. Монастыри никогда не отстаивали просто свои собственные интересы; они оставались богатыми и полными жизни только до тех пор, пока соблюдали интересы своих светских и королевских покровителей [McKitterick 1989: 77–134; Nightingale 2001].

Наконец, поскольку в период раннего Средневековья отсутствовало централизованное бюрократическое управление, любое исследование политического устройства должно проводиться с учетом локального контекста. Эту стратегию не следует путать с региональными монографиями, инициированными Жоржем Дюби во Франции или специалистами по региональной истории (*Landesgeschichte*) в Германии, многие из которых вполне сознательно проводили детальный анализ в ущерб более широкой

⁸ [Wickham 1988; Davies 1988]. О тенденции не замечать церковную организацию, стоящую за документами, см. [Herlihy 1989]. Эта тенденция также очевидна в исследованиях нарративных источников, первоочередной задачей которых было выявление (светских) аристократических групп, см. [Althoff 1984] и более недавнее исследование [Ludwig 1999].

Конец ознакомительного фрагмента.

Приобрести книгу можно

в интернет-магазине

«Электронный универс»

e-Univers.ru